

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Иванов А.А. Американский дипломат Альфред Уилл Клифот и антисоветизм в государственном аппарате США в 1920-х гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75588 EDN: SSGTMX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75588

Американский дипломат Альфред Уилл Клифот и антисоветизм в государственном аппарате США в 1920-х гг.

Иванов Андрей Александрович

ORCID: 0000-0003-4097-9447

доктор исторических наук

доцент, кафедра гуманитарных наук; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

196084, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 51

✉ ivanovaa85@list.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75588

EDN:

SSGTMX

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию участия сотрудника Государственного департамента США Альфреда Уилла Клифота в определении стратегического курса в советско-американских отношениях. Актуальность данной темы состоит в освещении того, как внутриведомственные и межведомственные противоречия и дискуссии в государственном аппарате влияли на переход от политики санкций в отношении СССР к экономическому партнерскому. Целью статьи является реконструкция влияния субъективных и объективных факторов на внешнюю политику США в 1920-х гг. Подробно вскрывается специфика функционирования Отдела по делам Восточной Европы Госдепартамента, а также роль консульства в Риге на корректировку направлений советско-американского взаимодействия. В процессе проведения исследования автор привлек не только опубликованные документы и мемуары, но и материалы американских архивов. Методология исследования в основе строится на принципах социологического

конструктивизма. Для комплексной характеристики процессов в американском Госдепартаменте автор статьи использовал историко-биографический и историко-генетический методы. Хотя А. У. Клифот больше известен своей дипломатической деятельностью в Италии, Австрии и Германии в 1930-х гг., автору удалось реконструировать малоизвестные стороны его работы в Отделе по делам России и Отделе по делам Восточной Европы в 1920-х гг. В статье были детально проанализированы его выступления на публике, статьи в прессе и официальные меморандумы с 1919 по 1929 гг. Автор пришел к выводу, что А. У. Клифот в этот период не только существенно изменил свои взгляды на советский строй, но и способствовал снижению уровня антисоветских настроений в американском Государственном департаменте. Хотя дипломат на протяжении всего рассматриваемого периода открыто высказывался против официального признания СССР, в деловой переписке он регулярно приводил аргументы в пользу такого шага, а также всесторонне поддерживал развитие советско-американской торговли.

Ключевые слова:

советско-американские отношения, непризнание, Конгресс США, Отдел Восточной Европы, Государственный департамент, антибольшевизм, Коминтерн, Военная миссия США, внешняя торговля, консульство

Введение

Российская революция оказала огромное влияние на систему межгосударственных отношений, как в политическом, так и в экономическом измерении. Появление социалистического государства, стремившегося к распространению своего влияния в глобальном масштабе и не скрывавшего враждебности к капиталистической мир-системе, для большинства «великих держав» начала XX в. несло потенциальную угрозу дестабилизации международного «баланса сил». При этом представители предпринимательского сообщества на Западе сохраняли устойчивый интерес к российским природным ресурсам, производственным мощностям и рынку сбыта товаров народного потребления.

Интересно, что и руководство РСФСР выражало аналогичную заинтересованность в подобных торговых контактах – в мае 1918 г. Высшим советом народного хозяйства был представлен «План развития экономических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами Америки». Согласно этому документу, с окончанием Мировой войны Германии придется «уступить свое первенствующее место в роли питателя народного хозяйства России средствами производства и продуктами потребления другой стране, капиталистически высоко развитой, но не настолько разоренной», и «такой страной в ближайшее время может быть только Америка» [\[1, с. 292\]](#). Так, по воспоминаниям Д. К. Пуля, возглавлявшего «Русское бюро» Госдепартамента, на протяжении 1920 г. его регулярно посещали американские предприниматели, заключившие с советским представителем Л. К. Мартенсом контракты на поставку продукции в Россию на сумму более 500 млн. долларов. Главным условием исполнения этих договоров являлось официальное признание большевистского правительства властями Соединенных Штатов, и дипломаты были вынуждены объяснять, что данное требование выходило за рамки торгово-экономических отношений, и у администрации В. Вильсона не было планов по признанию Совета народных комиссаров. Д. К. Пуль открыто заявлял, что «эти контракты были пропагандой, а не серьезным бизнесом», так

как РСФСР даже не располагала достаточными средствами для их оплаты [\[2, p. 476-477\]](#).

В американском правительстве были хорошо осведомлены о сложившемся противоречии, и среди чиновников господствовало мнение о двух возможных стратегиях выхода из него – либо оказании помощи антибольшевистским группам в свержении власти Совнаркома, либо воздействии на В. И. Ленина и его соратников для инициирования реформ по демократизации советского строя. Однако победа «красных» в Гражданской войне и отсутствие явных пропагандистских успехов заставили Государственного секретаря Ч. Э. Хьюза выбрать компромиссный сценарий. Соединенные Штаты продолжали придерживаться курса на политическую изоляцию РСФСР в ожидании возможного краха большевизма, но допускали негласные экономические контакты, если они «оказывали благоприятное влияние на общественное мнение» или позволяли получить ценную информацию о положении дел в Советской России [\[3, p. 12\]](#). Таким образом, в начале 1920-х гг. правительство США было вынуждено балансировать между курсом на конфронтацию с большевиками и установлением торговых отношений с РСФСР, что не могло не отражаться на деятельности Госдепартамента.

Альфред Уилл Клифот и российская революция

В частности, одним из сотрудников внешнеполитического ведомства Соединенных Штатов, испытывавших в своей работе влияние этого амбивалентного курса, был А. У. Клифот – вероятно, наиболее компетентный американский дипломат в плане анализа политических программ российских социалистов. По крайней мере, по словам Э. Сиссона, он был не только «единственным государственным служащим, который в начале 1917 г. знал, что такое ленинизм», но и единственным, кто «демонстрировал навыки прогнозирования» того, как это учение способно влиять на развитие страны [\[4, p. 20\]](#). Так, во время обучения в Висконсинском университете А. У. Клифот подробно изучал научные основы социализма и анархизма, а его преподавателями были выдающиеся специалисты в области экономики труда – Р. Т. Эли и Дж. Р. Коммонс. В то же время, его знания о России были весьма ограничены – например, из работ психолога Г. Мюнстерберга, преподававшего в Гарвардском университете, он вынес суждение, что с политической точки зрения Российская империя была «наиболее далека от Америки». В свою очередь, «у русского человека все глубинные чувства окрашены религиозным представлением; он считает себя не лучше и не хуже самых жалких; тогда как американец, напротив, чувствует, что он не ниже самых лучших», то есть «русское чувство равенства унижает, а американское возвышает» [\[5, p. 537\]](#).

Непосредственное знакомство А. У. Клифота с практикой большевистских социальных экспериментов произошло в период Гражданской войны в России, участие в которой он принимал в качестве члена Военной миссии США на Северном фронте в звании лейтенанта. В его непосредственные обязанности входило противодействие вражеской пропаганде в регионе [\[6, p. 31\]](#), что позволило сформировать представление не только о технологиях советской агитационной работы, но и об общих методах, применявшихся российскими социалистами в процессе общественного переустройства. Многие из этих способов не встретили со стороны лейтенанта понимания или поддержки – к примеру, А. У. Клифот, который был ревностным католиком, крайне негативно отзывался об антирелигиозных кампаниях большевиков. Так, его возмущение вызвало не только вскрытие мощей русских святых в 1918–1919 гг., но и случаи их использования на школьных уроках в качестве пособий для доказательства отсутствия принципиальной анатомической разницы между останками обывателей и святых [\[7, p. 20\]](#). Стоит заметить,

что религиозная идентичность А. У. Клифота, вероятно, оказывала влияние на его оценки и суждения. В молодости он тесно общался с известными проповедниками Дж. Л. Джонсом и П. Э. Дитцем, а после поступления на государственную службу придерживался мнения, что дипломат должен исполнять не только финансовые или юридические, но и духовные функции – «помогать советом нуждающимся» и «утешать несчастных» [8, p. 44]. Отсюда, религиозная политика Совнаркома в первые годы Советской власти отталкивала лейтенанта от идеи кооперации с представителями социалистического движения.

Помимо этого, американский дипломат считал крайне неэффективными советские образовательные реформы – он был противником идеологизации содержания естественнонаучных курсов, ограничения школьного обучения приобретением трудовых навыков, замены традиционных уроков экскурсиями на предприятия и т. д. Одним из показавшихся ему абсурдным методических приемов педагогов в РСФСР было требование к школьницам регулярно меняться друг с другом предметами одежды для воспрепятствования формированию «инстинкта собственности» [7, p. 16].

Опыт контрпропагандистской работы на Русском Севере привел А. У. Клифота к убеждению, что главным средством инспирирования мировой революции для Коминтерна была именно агитационная деятельность. По его словам, «большевистское правительство располагает одной из самых обширных и мощных систем пропаганды, которые когда-либо знал мир», «в каждом советском городе и деревне есть штабы и бюро пропаганды», причем листовки печатались ими «на всех языках и диалектах» [7, p. 25]. Как следствие, по возвращении в США дипломат направил усилия на то, чтобы предотвратить популяризацию советской социальной модели, раскрыв американской общественности ее негативные стороны. В 1919 г. он дал несколько интервью газете «Нью-Йорк Таймс», выступал с лекциями перед кадетами Военного института Вирджинии, членами Американской конституционной лиги в Милуоки, Национальной гражданской федерации в Нью-Йорке и т. д. Ключевой тезис А. У. Клифота состоял в том, что в политическом смысле американизм и большевизм антагонистичны по своей сути, и противоречие между ними лежит не только и не столько в вопросе об отношении к частной собственности, сколько в конфликте между базовыми принципами демократизма и «диктатурой пролетариата». Отсюда, именно Соединенные Штаты должны были стать координационным центром для противодействия распространения социалистической идеологии в мире. При этом автор считал, что большевизм «обречен на поражение», а новое российское правительство будет сформировано из более либеральных партий [9].

СССР и слушания в Конгрессе США

После этой серии выступлений и публикаций А. У. Клифот в июне 1920 г. был принят на службу в Государственный департамент и сначала получил назначение в аппарат Консультанта по внешней торговле У. Фроста, но уже в следующем году был переведен в Отдел по делам России, возглавляемый Д. К. Пулем, с которым лейтенант имел значительное сходство во взглядах. Они не только были знакомы по совместной службе в России, но оба также исповедовали католицизм, оба были выпускниками Висконсинского университета и являлись сторонниками политики международного непризнания РСФСР. Вообще, под руководством Д. К. Пуля собралась группа дипломатов, имевших устойчивые антисоветские убеждения: Э. Янг, Б. Майлз, Дж. Лэндфилд и др.

Впрочем, между их позициями все же имелись определенные расхождения. К примеру,

А. У. Клифот в этот период стал выступать за возобновление торговых связей с РСФСР, хотя ранее сделки американских предпринимателей с советскими контрагентами он называл «взятками» со стороны В. И. Ленина за игнорирование нелегитимности Совнаркома [9]. Так, в рамках слушаний в Конгрессе по данному вопросу в 1921 г. лейтенант, предложив придерживаться «эгоистического коммерческого подхода», детально охарактеризовал возможные направления советско-американского сотрудничества и положительно оценил платежеспособность Совнаркома, несмотря на «бедность и нищету» населения. На фоне рецессии 1920–1921 гг. предприниматели из США, по его мнению, могли получить огромную выгоду от инвестиций в российскую промышленность (представлявшую собой после длительной войны «гигантский экономический вакуум»), не встречая конкуренции со стороны местных частных фирм. В качестве доказательства готовности Совнаркома к легализации американских концессий А. У. Клифот привел цитаты из речи В. И. Ленина на собрании секретарей ячеек Московской парторганизации 26 ноября 1920 г., в которой глава правительства называл такой формат взаимодействия выгодным для Советской России. При этом те части данной речи В. И. Ленина, в которых говорилось о сохранении приверженности большевиков идее мировой революции и потенциальной возможности национализации иностранных концессий в случае конфликта с капиталистическими государствами, не были доведены до сведения членов Конгресса [10, p. 147-151].

Вместе с тем, некоторые из приведенных им аргументов были и против возобновления торговли. Так, А. У. Клифот утверждал, что наибольшую прибыль США могли бы извлечь из взаимодействия «с будущим российским правительством», которое сформируется после победы над большевиками, но «потенциально благоприятное положение» Соединенных Штатов «может быть подорвано неразумными отношениями с нынешними властями». При этом только Совнарком мог выступать полноценным торговым партнером, так как «покупательная способность русского населения пришла в упадок», а частная «деловая активность» была поставлена в Советской России вне закона. Исходя из этого, получалось, что торговля с РСФСР была «крайне желательна», но «в настоящее время она не может быть налажена в сколько-нибудь заметном объеме» [10, p. 147-148].

Тем самым, А. У. Клифот в ходе слушаний привел суждения и за, и против, оставив возможность депутатам Палаты представителей принимать самостоятельное решение без дополнительного давления со стороны сотрудников Отдела по делам России. Хотя в 1921 г. было принято отрицательное решение по вопросу о полной реанимации экономических отношений с РСФСР, во внутриведомственной переписке А. У. Клифот продолжал оставаться сторонником такого шага. Его мнение стоило на том, что советско-американская торговля уже была восстановлена де-факто, так как осуществлялась транзитом через другие страны – например, Латвию и Эстонию. В частности, по данным американской миссии в Ревеле только за 1920 г. в Советскую Россию поступило американских товаров на сумму более 28,7 млн. долларов, а за первое полугодие 1921 г. – еще на 22,8 млн. долларов. При этом в меморандуме «Русская торговля» А. У. Клифот выдвигал предположение, что реальные обороты могли быть примерно в два раза больше [11, p. 22].

Вместе с тем, в 1922 г. он был вынужден с сожалением констатировать, что только «новые и неизвестные» фирмы стремились вести бизнес в Советской России, в то время как опытные предприниматели из США не были готовы к таким рискам – их сдерживало как отсутствие в стране института частной собственности, так и прецедент с потерей многомиллионных инвестиций из-за революции [12, p. 52-53]. Занятая им позиция не

всегда встречала понимание со стороны коллег – например, Э. Д. Дюранд, возглавлявший Восточно-Европейский отдел Бюро внешней и внутренней торговли, подверг критике проделанные А. У. Клифотом расчеты, полагая, что большая часть американского экспорта в СССР состояла из гуманитарной помощи. Впрочем, несмотря на это, его взгляды не создавали препятствий карьерному росту, и в ноябре 1923 г. А. У. Клифот стал заместителем главы Отдела по делам Восточной Европы – ключевого ведомства по анализу советско-американских отношений в рассматриваемый период.

Именно в этом статусе в 1924 г. ему удалось принять участие в важнейших слушаниях в Конгрессе об официальном признании СССР. Дипломат был в курсе, что власти СССР «были всегда наиболее обеспокоены установлением отношений именно с американским правительством», но в преддверии данной процедуры дипломат заверил бывшего российского посла в США Б. А. Бахметева, что отношение государственных органов к большевистской власти остается таким же непреклонным и измениться оно может только в результате «коварного заговора профессиональных политиков» [\[13, p. 27\]](#). В своем выступлении А. У. Клифот дал развернутую характеристику истории социалистического движения в Европе, России и США. Используя более сотни различных документов (манифестов, речей, партийных программ, протоколов и т. д.), он доказывал, что насильственное завоевание власти «неотделимо от коммунистических программ», и представители американского рабочего движения не являются исключением – они не только «приняли русскую коммунистическую программу насилия и силы», но и работали под прямым контролем Коминтерна [\[14, p. 79-158\]](#). Столь развернутая аргументация была принята во внимание парламентариями, поэтому резолюцию о признании СССР комитет отклонил.

Впоследствии, такие эпизоды трактовались отечественными дипломатическими работниками в том плане, что причины длительного непризнания Советского Союза (вопреки американскому общественному мнению) были связаны с предвзятостью сотрудников Госдепартамента, в особенности – Отдела по делам Восточной Европы. По воспоминаниям Л. Хендерсона, их обвиняли в том, что они «не представляли начальству истинное положение дел» в СССР исключительно из-за собственных «реакционных взглядов, религиозных предрассудков, личных обид или уязвленного тщеславия, посредственных умственных способностей, карьеризма» [\[15, p. 393\]](#) и т. д.

Истоки подобной необъективности, в числе прочего, объяснялись тем, что значительную часть работников внешнеполитического ведомства США, занимавшихся советско-американскими отношениями в 1920-х гг., составляли бывшие служащие посольства в Петрограде в 1917–1918 гг., принимавшие непосредственное участие в революционных событиях. Эту группу принято называть дипломатами «второго поколения» – в отличие от «первого поколения», имевшего длительный опыт работы в Российской империи, они не были носителями многих стереотипов о стране, но их мировоззрение находилось под психотравмирующим влиянием последствий падения самодержавия. Утверждалось, что для них социализм был неразрывно связан с «военным коммунизмом» и «красным террором», что препятствовало справедливому восприятию социально-экономических достижений большевиков. Дополнительным аргументом иногда служило то обстоятельство, что некоторые авторитетные американские дипломаты были женаты на бывших российских дворянках: Дж. Лэндфилд – на Л. Н. Лобановой-Ростовской, А. У. Клифот – на В. А. Лесли, а вдова М. Саммерса, служившего консулом в Москве в 1918 г., Н. В. Горяинова некоторое время даже работала в Госдепартаменте переводчицей.

Вопреки этому мнению, по замечанию Ч. Ю. Болена, сотрудников Отдела по делам

Восточной Европы для преодоления «эмоциональных противоречий, окружавших Советский Союз», специально обучали «прилагать особые усилия, чтобы проверять каждый факт, привлекая существенные доказательства» [\[16, p. 39\]](#). Отсюда, А. У. Клифот и его коллеги в целом старались придерживаться стратегии, обозначенной Ч. Э. Хьюзом, то есть модели ограниченного антисоветизма – отказывались видеть в социализме угрозу общественно-политическому строю Соединенных Штатов, но поддерживали экономическое сотрудничество с большевиками.

Отдел по делам Восточной Европы и «санитарный кордон»

Подобная компромиссная позиция, в реальности, предполагала регулярные конфликты как со сторонниками более радикальных мер в отношении Советского государства, так и с представителями американского социал-демократического движения. По воспоминаниям коллеги А. У. Клифота (и бывшего сослуживца по Военной миссии в России) – Э. Л. Пакера – в этот период «время от времени находился какой-нибудь сенатор или конгрессмен, который выступал за установление отношений с большевистским правительством» [\[17, p. 9\]](#). Как следствие, сотрудники Отдела по делам Восточной Европы брали за себя функцию оппонирования таким запросам, объяснения причин избрания Госдепартаментом курса на непризнание Совнаркома, оценки возможных рисков такого шага и т. д. В то же время, в Соединенных Штатах имела и место и противоположная тенденция по «демонизации» советского строя – зачастую на базе различных ненаучных концепций и «теорий заговора». К примеру, популярность приобрела книга Л. Стоддарта «Бунт против цивилизации», в которой революционные события 1917 г. в России трактовались как победа «философии недочеловека», а социалистический строй – как возврат общества к «варварству или даже дикости» [\[18, p. 2, 163\]](#).

Не меньшую угрозу объективному пониманию сущности социалистической идеологии в США создавал этнический фактор. Дело в том, что некоторые представители российской эмиграции для формирования «образа врага» активно эксплуатировали тему национального состава большевистской партии. Вероятно, наиболее известным и успешным из них стал бывший офицер Б. Л. Бразоль, который в серии книг и статей отстаивал идею, будто «русская революция была спровоцирована, профинансирована и возглавлялась евреями». Согласно делу в архиве Федерального бюро расследований, начиная с 1918 г. он неоднократно направлял донесения в Госдепартамент и другие американские правительственные учреждения с указанием лиц, замеченных в пропаганде коммунизма или анархизма на территории США [\[19, p. 6\]](#). Во избежание того, чтобы Ч. Э. Хьюз попал под влияние Б. Л. Бразоля (как это ранее произошло с Г. Фордом), в 1923 г. А. У. Клифот направил начальнику меморандум, в котором хоть и отмечал таланты российского публициста, назвал его «проницательным политиком», но «не заслуживающим доверия» [\[20, p. 685\]](#). При этом схожие оценки от него получали и деятели сионистского движения из числа эмигрантов – скажем, бывший член Украинской Директории А. Д. Марголин, которого после личной встречи весной 1922 г. американский дипломат назвал «довольно поверхностным человеком» [\[21, p. 454\]](#).

Вероятно, для А. У. Клифота этнический фактор при формулировке политических оценок не имел такого значения, как фактор конфессиональный, однако в правительстве Соединенных Штатов в рассматриваемый период вопросу национального самоопределения в Восточной Европе придавалось достаточно большое значение. Дело в том, что важным элементом Версальско-Вашингтонской системы международных

отношений стал так называемый «санитарный кордон» из лимитрофных государств вокруг РСФСР, в которых поддерживалось развитие националистических идеологий в качестве препятствия распространению большевизма в Европе.

В администрации В. Вильсона о данном проекте узнали в феврале 1919 г. из донесения члена исследовательской группы «Инкуайери» профессора А. Кулиджа, который изложил идею подполковника П. М. Острянского о формировании на фундаменте контролируемых антибольшевистскими группами территорий нескольких «федераций»: южной (Украина, Крым, Кубань и Дагестан); западной (Беларусь, Латвия, Литва и Эстонии); восточной (Сибирь, Урал, Поволжье и Туркестан); северной (Архангельский, Мурманский, Пермский и Вятский округа) [\[22, p. 57-58\]](#). В этих новообразованиях предполагалось полностью сохранить созданные антибольшевистскими силами системы власти и управления, и каждая «федерация» имела бы право на обладание собственной армией. При этом все эти территории формировали коллективное правительство из своих представителей, официальное признание которого странами Антанты обеспечило бы его популярность в народе и возможность вести зарубежную торговлю.

В период интервенции руководство внешнеполитического ведомства США данный проект не оценило, зато он вызвал интерес у европейских политиков. И французский Президент Ж. Клемансо, и итальянский Премьер-министр В. Орландо в январе – марте 1919 г. поддержали идею создания вокруг РСФСР «санитарного кордона» как способа противодействия политической «эпидемии», которую видели в большевизме. Хотя глава английского правительства Д. Ллойд-Джордж больше склонялся к блокаде РСФСР, идея противопоставления советскому интернационализму в Восточной Европе мощного националистического движения встретила одобрение в британском Кабинете, так как относительно успешным прецедентом выглядела Польша, где по донесениям разведки «большевизм временно утонул под волной национализма» [\[23, p. 200\]](#).

В начале 1920-х гг. концепция «санитарного кордона» все же нашла отклик и у членов правительства Соединенных Штатов, но ее реализация требовала решения ряда принципиальных вопросов, главным из которых являлась проблема официального признания лимитрофных государств, образовавшихся после распада Российской империи. Хотя независимость Финляндии и Польши была признана еще в 1919 г., Латвия, Литва и Эстония такого статуса не получили. Противниками данного шага выступали как различные эмигрантские организации, так и некоторые сотрудники Госдепартамента (например, помощник Госсекретаря Н. Дэвис), апеллировавшие к сохранению потенциальной возможности реставрации России в дореволюционных границах в случае краха советского строя. Ключевым аргументом этой позиции длительное время была неэффективность политики «военного коммунизма», с чем на Западе связывались ожидания на консолидацию антибольшевистских сил и эскалацию массовых восстаний в РСФСР.

Казалось бы, с переходом к модели НЭП вероятность данного сценария заметно снизилась, однако в 1921 г. аппарат Консультанта по внешней торговле все же дал отрицательное заключение по вопросу признания Латвии, Литвы и Эстонии, аргументировав этот шаг в духе дипломатии «первого поколения». Основной тезис заключался в том, что наибольший интерес для США представлял единый российский рынок, воссозданный после свержения большевизма, в то время как укрепление лимитрофов лишь препятствовало реинтеграции бывших имперских территорий.

Собственно, встреча А. У. Клифота с А. Д. Марголиным была посвящена именно судьбе территориальных владений Российской империи, и бывший член Директории отстаивал

главенствующую роль внешних сил в процессе обретения ими независимости. По его словам, «Франция и Великобритания заключили секретное соглашение, по которому Франция получила свободу действий на Украине, а Великобритания – в Прибалтике. Британцы добились успеха, поэтому прибалтийские республики сейчас независимы, тогда как французы проиграли, и Украину контролируют Советы» [\[21, p. 455\]](#). Такая постановка вопроса, вероятно, имела одной из своих целей побуждение американского правительства к оказанию помощи лимитрофным государствам, так как альтернативой для них было вхождение в состав СССР. Хотя данная позиция не во всем соответствовала действительности, она все же была доведена до сведения Ч. Э. Хьюза.

Таким образом, одним из ключевых для американской дипломатии в начале 1920-х гг. стал вопрос о степени самостоятельности лимитрофных образований. К примеру, Д. К. Пуль полагал, что Россия и Прибалтика представляли собой неразрывное единство – как Латвия, Литва и Эстония не смогли бы построить самодостаточную экономику, и вынуждены были бы существовать за счет постоянной внешней финансовой помощи, так и без балтийских портов восстановление экономической системы России было невозможно [\[24, p. 37\]](#). Альтернативной точки зрения придерживались американские дипломаты в Прибалтике, называвшие в своих донесениях национальные движения в регионе не столько полезными, сколько легитимными. Местные правительства пришли к власти в результате выборов и имели поддержку населения, не желавшего ни присоединяться к СССР, ни становиться частью какой-либо новой российской «федерации». При этом официальное признание как раз направило бы усилия этих стран в сторону построения эффективного хозяйства, и они могли стать ценными союзниками в борьбе против Коминтерна. Отсутствие же признания со стороны Соединенных Штатов вызывало лишь «враждебность», «глубочайшее сожаление и разочарование» в американской политике [\[25, p. 352\]](#).

Систематизировав все факты, в 1922 г. А. У. Клифот подготовил итоговый меморандум по вопросу о признании Латвии, Литвы и Эстонии. С одной стороны, этот шаг соответствовал принципу права наций на самоопределение, названные страны были внутренне стабильны, уже признаны некоторыми европейскими державами и даже вошли в Лигу Наций. С другой стороны, такая мера противоречила идее восстановления «демократической» России в дореволюционных границах и могла стать прецедентом для аналогичных действий в отношении других бывших частей империи [\[26, p. 625\]](#). С учетом всех обстоятельств, США все же признали независимость Латвии, Литвы и Эстонии в 1922 г., и это решение принципиально изменило схему работы Отдела по делам Восточной Европы.

Рижское консульство и советско-американские отношения

Одной из ключевых сложностей для подразделений Государственного департамента, занимавшихся анализом внутренней и внешней политики Совнаркома, было отсутствие достоверной информации о положении дел в РСФСР. Так, значительная часть документов американского посольства в Петрограде была уничтожена по приказу консула М. Саммерса в феврале 1918 г. [\[27, p. 99\]](#), а собственной агентурной сети на советской территории в распоряжении дипломатов не было. Возможность получения необходимых сведений часто зависела от личных связей – к примеру, А. У. Клифот лишь благодаря знакомству с помощником Министра торговли К. А. Гертером смог ознакомиться с донесениями сотрудников Американской администрации помощи голодающим в СССР [\[28\]](#).

После официального признания прибалтийских республик Рига превратилась в

своеобразный «аванпост» Отдела по делам Восточной Европы – в статусе посла его возглавил Э. Янг, ранее работавший вместе с Д. К. Пулем. Он смог привлечь на службу в консульство не только опытных дипломатов из центрального аппарата Госдепартамента, но и ряд офицеров разведывательной службы (С. М. Риис, М. Пертс, Ф. Р. Феймонвилл и др.). В результате, американское представительство в Риге превратилось в информационно-аналитический центр, куда курьерами из Москвы на регулярной основе доставлялись, переводились и обрабатывались советские книги, пропагандистские брошюры, тексты законов и декретов, а также около 50 периодических изданий. Более того, Э. Янг курировал аналогичную работу миссий в Париже, Копенгагене и Константинополе. Деятельность рижского представительства его глава сравнивал с клиринговой конторой, старавшейся снять с центральных структур Госдепартамента задачу проверки благонадежности намерений советских партнеров.

В 1927–1928 гг. в Риге ненадолго воссоединились бывшие сослуживцы по Военной миссии США на Севере России: А. У. Клифот, Э. Л. Пакер и Х. С. Мартин, сделавшие после войны карьеру на дипломатической службе. Вместе с Э. Янгом им удалось добиться от руководства в Вашингтоне еще большего расширения полномочий своего представительства. В частности, в феврале 1928 г. всем американским консулам было направлено распоряжение помощника Госсекретаря У. Дж. Карра предварительно согласовывать выдачу виз в Соединенные Штаты держателям советских паспортов именно с консульством в Риге. Дипломатов призывали запрашивать в Латвии имеющиеся у них сведения о заявителях, а также направлять подчиненным Э. Янга уведомления о принятых по визам решениях «вместе со всеми имеющимися биографическими данными, касающимися данного лица, включая цели его визита в Соединенные Штаты... и другую относящуюся к делу информацию» [\[29\]](#).

Однако в письме У. Дж. Карр указал, что это правило носило рекомендательный характер, поэтому в течение полугода данные из разных консульств поступали в Ригу довольно хаотично. Вероятно, американские дипломаты не слишком серьезно отнеслись к необходимости проведения расследований в отношении советских граждан, причем не столько из-за недооценки степени опасности социалистической пропаганды для США, сколько ввиду неготовности тратить дополнительное время на внутриведомственную переписку. Это заставило А. У. Клифота в августе 1928 г. обратиться к коллегам с просьбой систематизировать обмен сведениями. По его словам, невыполнение американскими посланниками предписаний руководства не только приводило к «неизбежным задержкам» документов, но и лишало консульство «оснований, на которых можно было бы провести расследование». Как следствие, он просил сообщать о заявителях максимально полную информацию – не только имя и фамилию, дату и место рождения, номер советского паспорта, род занятий, цель визита в США, но даже «деятельно до ноября 1917 г.», а также «занимаемые должности в партии, Коминтерне и правительственных организациях» [\[29\]](#).

Помимо этого, на новом месте службы А. У. Клифот вновь занялся исследованием вопроса организации советско-американской торговли в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений. В преддверии перехода СССР к реализации первого «пятилетнего плана» объемы американских поставок в страну составляли 72,5 млн. долларов, что для Соединенных Штатов равнялось лишь 1,1% от общенационального экспорта. Одной из причин столь ограниченных размеров торговых операций А. У. Клифот видел в отсутствии официального признания Советского Союза. С присущей ему склонностью систематизировать преимущества и недостатки любого политического действия, дипломат 3 мая 1929 г. направил Госсекретарю записку с

изложением сути сложившейся ситуации.

В этом документе А. У. Клифот утверждал, что отсутствие в Москве официального представителя, способного защищать интересы американских предпринимателей, влекло за собой постоянные задержки при прохождении товаров из США. Конечно, некоторым фирмам было удобнее работать именно в неофициальном режиме, в значительной степени минуя контроль со стороны государственных органов Соединенных Штатов, однако для крупных корпораций этот вариант не подходил [\[20, p. 491\]](#). Масштабные планы модернизации советской промышленности делали поставки станков, запчастей и оборудования в СССР весьма привлекательными для заокеанских производителей, однако без заключения межгосударственных соглашений о правилах торговли этот рынок не мог эффективно развиваться. С другой стороны, по мнению А. У. Клифота, именно отсутствие официальных дипломатических отношений можно было трактовать как инструмент защиты бизнеса, так как в этих условиях советские правоохранительные органы «не осмелились бы арестовать известного американского предпринимателя» притом, что они «без колебаний арестовывают немцев» [\[31, p. 1\]](#). Получалось, что раз Германия признала СССР, то противоречия на экономической почве разрешались в рамках официально утвержденных государствами правил, а отсутствие признание со стороны Соединенных Штатов создавало риск бесконтрольной эскалации конфликта. Неизвестно, какое решение планировал принять Госсекретарь Г. Л. Стимсон после ознакомления с аргументами А. У. Клифота, однако в октябре 1929 г. в США началась «Великая депрессия», которая отчасти способствовала советско-американскому сближению.

Заключение

Карьерный путь и эволюция убеждений А. У. Клифота являются достаточно репрезентативными для понимания изменения отношения американских чиновников к Советской России и СССР в годы «непризнания». Взаимодействие стран в 1920-х гг. в политико-экономическом смысле балансировало между изоляцией и кооперацией, что находило свое отражение в борьбе различных точек зрения сотрудников правительственных структур. Составленные А. У. Клифотом документы отражали этот комплекс противоречий в аппарате Госдепартамента США – дипломат стремился придерживаться объективности в своих оценках, не присоединяясь ни к сторонникам участия в противоборстве с СССР, ни к апологетам социалистической модели развития.

Служба в Отделе по делам России и в Отделе по делам Восточной Европы неочевидным образом привела к заметной либерализации его взглядов на советско-американское взаимодействие. Однако меморандумы А. У. Клифота, как и его выступления в Конгрессе демонстрировали с одной стороны – дисциплинированность в исполнении приказов и рекомендаций руководства, а с другой стороны – нежелание вступать в полемику с носителями и просоветских, и антисоветских убеждений. Подобная осторожность, вероятно, показывала попытку скрыть личное отношение к проблеме, что являлось не только грамотной карьерной стратегией, но и оставляло шанс доказать перспективность собственного подхода в будущем – с изменением политической ситуации в стране и кадровых перестановках в правительстве. Собственно, переход от радикального антисоветизма к идее необходимости официального признания социалистического государства произошел во многом благодаря осознанию выгоды экономического сотрудничества с Советским Союзом – огромный вклад в этот процесс внести аналитики, которое смогли представить достаточные аргументы и убедить руководство страны в преимуществах отказа от конфронтационного сценария.

Библиография

1. Документы внешней политики СССР. Том I. М.: Госполитиздат, 1959. 776 с.
2. Poole D. C. The Reminiscences of DeWitt Clinton Poole. New York: Columbia University, Oral History Research Office, 1972. 498 pp.
3. Propas F. L. The State Department and the Russian Revolution: The Making of Policy, 1918–1924 // UCLA Historical Journal. 1982. Vol. 3. Pp. 3–20.
4. Sisson E. One Hundred Red Days. New Haven: Yale University Press, 1931. 455 pp.
5. Munsterberg H. The Americans. Garden City: Doubleday, Page & Company, 1914. 612 pp.
6. National Archive of the United States (NAUS). RG120. File 27A.
7. Kliefoth A. W. Bolshevism: By an Eye-Witness from Wisconsin. Milwaukee: American Constitutional League of Wisconsin, 1920. 32 pp.
8. What a Consul Does // The American Foreign Service Journal. 1929. Vol. 6. №2. P. 44.
9. Says Lenin Would Bribe Americans // The New York Times. 1920. January 31. P. 3.
10. Conditions in Russia: Hearings before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, Sixty-six Congress. 3rd Session. Washington: United States Government Printing Office, 1921. 254 pp.
11. NAUS. RG59. File 661.00.
12. Siegel K. A. Loans and Legitimacy: The Evolution of Soviet-American Relations, 1919–1933. Lexington: University Press of Kentucky, 1996. 211 pp.
13. Saul N. E. Friends or Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 454 pp.
14. Recognition of Russia: Hearings before a Subcommittee of the Committee of Foreign Relations, United States Senate, Sixty-eighth Congress. 1st Session. Part 1. Washington: United States Government Printing Office, 1924. 530 pp.
15. Henderson L. W. A Question of Trust: The Origins of U.S.-Soviet Diplomatic Relation / Ed. by G. W. Baer. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. 579 p.
16. Bohlen C. E. Witness to History, 1929–1969. New York: Norton, 1973. 576 pp.
17. Association for Diplomatic Studies and Training. Oral History Collection. Earl Packer papers. Series 1. Box 1. "Interview with Earl Packer, October 27, 1988".
18. Stoddard L. The Revolt against Civilization: The Menace of the Under-Man. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 274 pp.
19. NAUS. RG65. File 32668594.1.
20. Spence R. The Tsar's other Lieutenant: the Antisemitic Activities of Boris L'vovich Brasol, 1910–1960. Part II: White Russians, Nazis, and the Blue Lamoo // Journal for the Study of Antisemitism. 2012. Vol. 4. №2. Pp. 679–706.
21. NAUS. RG59. File 860E.
22. NAUS. RG59. File 763.72119.
23. Public Records Office. Cabinet Papers 24/81.
24. NAUS. RG59. File 860N.01.
25. Tarulis A. N. American-Baltic Relations 1918–1922: The Struggle over Recognition. Washington: The Catholic University of America Press, 1965. 397 pp.
26. Arens O. Wilsonianism and Self-determination without Wilson: United States and Estonia, 1918–1922 // The Journal of Baltic Studies. 2024. Vol. 55. №3. Pp. 611–630. DOI:10.1080/01629778.2024.2366862
27. NAUS. RG59. File 124.612.
28. Hoover Institution Archives. American Relief Administration. Box 261. Folder 2.
29. NAUS. RG84. File. 811.11.
30. NAUS. RG59. File. 611.1115.
31. NAUS. RG59. File. 661.621.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является анализ карьерной траектории и трансформации политических взглядов американского дипломата Альберта У. Клифота в 1920-е годы. Автор работы фокусируется на его роли как репрезентативной фигуры, чьи позиции и составляемые им документы отражали внутреннюю борьбу и спектр мнений Государственного департамента США по вопросу выстраивания отношений с Советской Россией, а затем с СССР. Исследование ставит личность Клифота в более широкий контекст поиска баланса между изоляцией и кооперацией в советско-американских отношениях указанного периода.

Методологическую основу статьи составляет традиционный для исторической науки проблемно-биографический подход, сочетающий элементы анализа внешней политики и интеллектуальной истории. Автор опирается на принципы историзма и системности, пытаясь проследить причинно-следственные связи между личным опытом дипломата, его служебной деятельностью и эволюцией его убеждений. Основными методами выступают критический анализ архивных документов (меморандумов, выступлений) и историко-сравнительный метод для сопоставления позиции Клифота с другими течениями в американском истеблишменте.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Во-первых, оно вносит вклад в понимание исторических корней сложных и амбивалентных отношений между Россией и США. Во-вторых, работа обращается к классической, но актуальной проблеме взаимодействия идеологии и прагматизма (в данном случае экономического) в международных отношениях. В-третьих, исследование микроистории отдельного чиновника позволяет глубже понять механизмы принятия внешнеполитических решений в бюрократических системах, что представляет интерес не только для историков, но и для политологов.

Научная новизна статьи заключается в том, что статья выводит из тени относительно малоизученную, но показательную фигуру американской дипломатии — А. У. Клифота. Если ключевые фигуры этого периода (как, например, Чарльз Эванс Хьюз или Уильям Буллит) изучены достаточно хорошо, то взгляды и роль чиновников среднего звена, непосредственно готовивших аналитические материалы, часто остаются за кадром. Автор предпринимает попытку проанализировать эволюцию взглядов Клифота не как резкий переход, а как постепенный процесс, обусловленный профессиональной деятельностью и рациональным расчетом.

Стиль статьи соответствует канонам академического письма. Логика изложения прослеживается: от общего контекста к конкретной фигуре и ее характеристике. Список источников и литературы является несомненным сильным стороной работы. Библиография демонстрирует глубокое погружение автора в тему и солидную источниковую базу.

Автор полемизирует с упрощенными подходами к истории советско-американских отношений, которые сводят их к прямой конфронтации или, наоборот, к идеализированному сотрудничеству. Тезис о «балансировании между изоляцией и кооперацией» и фигура Клифота как «объективного» аналитика, не присоединявшегося к крайним точкам зрения, удачный аргумент в пользу более сложной и многогранной интерпретации истории двусторонних отношений. Автор мог бы усилить этот аспект, прямо указав на существующие направления в историографии (например, классическую или ревизионистскую, пост-ревизионистскую) и определив свою позицию относительно

них.

Обращение к фигуре А.У. Клифота позволяет детализировать и «очеловечить» сложные бюрократические процессы в Госдепе, выходя за рамки изучения только топ-чиновников. Вдумчивая работа с архивными материалами, включая ранее не вводившиеся в научный оборот документы, придает работе высокую степень достоверности и фундаментальности. Автор избегает крайних оценок, пытаясь понять логику и мотивы своего героя, увязывая эволюцию его взглядов с прагматическими соображениями (экономическая выгода), а не только с идеологическими изменениями.

В качестве замечания стоит отметить, что в статье отсутствуют явно сформулированные цель и задачи исследования, а также автор не рассуждает о выбранном методе, не определяет теоретическую рамку (например, теорию бюрократической политики, концепцию «прагматизма»), что делает анализ местами излишне дескриптивным.

Ключевой вывод статьи заключается в том, что эволюция взглядов Клифота от «радикального антисоветизма» к признанию необходимости официального признания СССР была обусловлена в первую очередь прагматическим осознанием выгод экономического сотрудничества, а его осторожная позиция была не только карьерной стратегией, но и попыткой сохранить пространство для маневра для будущего. Этот вывод представляется вполне обоснованным и логично вытекающим из представленного материала. Причем, такое наблюдение вполне вписывается в современную историографию, подчеркивающую роль экономического интереса и бюрократической борьбы в процессе признания СССР Соединенными Штатами.

Статья вызовет закономерный интерес у специалистов в области истории международных отношений, американистики и истории дипломатии.

Статья «Американский дипломат Альфред Уилл Клифот и антисоветизм в государственном аппарате США в 1920-х гг.» обладает значительным научным потенциалом и явными достоинствами, главные из которых — новизна темы и сильная источниковая база. Можно рекомендовать статью для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».